

УДК 81.44

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПАМЯТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

А. М. Кусаннова, Е. Козина

В данной статье рассмотрена реализация понятийного компонента концепта «память» в произведениях Герольда Бельгера.

Ключевые слова: концепт *память*, репрезентация, Герольд Бельгер, концептуальный анализ, образная память.

Одним из самых частотных ключевых понятий Г. Бельгера является концепт *память*, который он активно использует как в художественных, так и в публицистических произведениях, делясь своими собственными размышлениями или используя его в монологах героев.

В произведениях Г. Бельгера концепт *память* означает память прошлого, способность не забывать, часто он выступает в значении *память-дом, память-родина* или *память-надежда, память-история*.

Сам Г. Бельгер в 10-й главе первой части романа-исповеди «Зов» пишет так: «У меня **плохая память** – ничего не забываю. **Помню то**, что пора бы давно забыть, чтобы не томить душу, не рвать сердце. **Хорошая память** та, что не омрачает твоё существование. А я вот **помню всё**: и обиду умершего с голоду ещё далеко до моего рождения дедушки Фридриха..., и горе моих дядёв и двоюродных братьев, погибших в трудармии..., и измочалившую моих соплеменников депортацию, и недобрую державную власть..., и все ограничения, унижения, мытарства, злодейства, упорно ставившие нас, спецпереселенцев, на колени... Разве не разумней было бы это всё забыть... **и помнить** только тихие песни мамы под незатейливый перебор гитары, скрипку отца, ласку и любовь аульной смуглянки, щедродушие казахов, доброту аулчан, ширь степей, шелест перелесок, робкое течение реки Есиль в знойную пору и вой свирепых буранов в глухую зимнюю ночь? А я вот так устроен: ничего не забываю, **всё помню**, оттого и живу с напрягом, с вечно сжатыми кулаками. Так, видно, нельзя». И далее автор поясняет: «С чего бы это болит-пошаливает у меня сердце? Наверное, потому, что тащу

непосильный груз памяти. Помню то, что было давно... Во мне обитает слишком много других жизней, других судеб и болей, от чего мне никогда, ни-ког-да уже не избавиться. Может, наступит облегчение, если я всё это изложу, вылью на бумагу? Но хватит ли у меня на это сил и времени? Или мне суждено весь этот груз, весь этот скarb болей, неурядиц, обид, несправедливостей унести в роковой час с собой в так называемый лучший из миров, где, сказывают, всего этого нет и в помине? Не знаю, не знаю...» [5. С. 42–43].

Особый интерес представляет концептуальный анализ репрезентаций концепта «память» в текстах произведений Герольда Бельгера.

Концепт «память» вербализуется в творчестве автора посредством описания ядерной структуры – *память*), а также окооядерной зоны, содержащей следующие однокоренные слова: *вспоминание, помнить, памятный, вспомнить, памятник* и др., построением синонимического ряда и периферийной зоны, куда входят фразеологические и паремиологические средства, антонимические пары: *память – забвение, помнить – забыть, вспоминается – забывается, (память) вспыхивает – угасает* и т. п.; метафорические выражения *память встреч, память сердца, память рассудка, память имени, память дел* и др.

Концепт *память* используется в произведениях писателя чаще всего в форме глагола «помнить» и имеет следующие варианты употребления:

1. Помню, так как был тому свидетелем, лично принимал участие, когда к детским воспоминаниям подключается образная память. Например: *«Стояло лето второго послевоенного года. А я помню тот день во всех подробностях и поныне. И, кажется, именно тот случай, тот поход на земляничную поляну странным образом определил мою судьбу»* [3. С. 175]; *«Но тихое, милое сердцу немецкое село Мангейм на Волге не выходило из памяти. Ему было невдомек, что оно уже давно превратилось в русское село Советское»* [4. С. 178]; *«О, да... это место я вспоминаю с благодарностью, с добрым, ибо там я почувствовал себя человеком и оттуда, через Ишим, отправился в далекий путь жизни...»*; *«Но в памяти моей сохранился лишь маленький пятачок – детская игровая площадка с качелями и крохотными деревянными домиками – перед трехэтажным кирпичным зданием, в котором обитали служащие и курсанты летной школы. И это все, или почти все. И*

в том, что больше ничего не помню, — нет моей вины. Или село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, родное село моих родителей, следует считать моим элем? Что ж... об этой точке земли **я помню** чуть больше, хотя бы потому, что когда оттуда нас... как бы это сказать поделикатнее, помягче... эвакуировали, мне было полных шесть лет. **И я** неплохо **помню** бабушкин дом со всеми его пристройками и неизменной летней кухней-бакхаузом, **помню** улицу, хлипкий палисадник с чахлыми деревцами, и даже шаткий мостик, через который проезжала полторка с колхозными музыкантами — духовиками в соседнюю деревню Зихельберг, и я среди них, — **помню**. **Помню** кое-кого из сельчан, типы лиц, песни тех предвоенных лет... во мне и поныне живут дух и облик того удивительного, как мне теперь чудится, времени»; «**Помню** вашу семейную колонну, — сказал Хайнрих. — **И тебя помню**... на второй машине с конца. Сопливая еще была девчонка»; «Эту пору жизни, осень сорок первого, **я помню** до мельчайших деталей. Будто и не прошло столько десятилетий. И поныне, кажется, даже все щели товарного вагона, в котором нас везли на восток, **в моей памяти**» [2. С. 108–110].

2. Помню, так как мне рассказывали, по воспоминаниям близких родственников, по каким-то внезапно возникшим ассоциациям, ярким вспышкам памяти — с участием логической памяти (или логико-образной памяти). В этих случаях автором всегда верно указывается источник информации: мама, бабушка, отец и др. родственники, подчеркивается важность получения какой-либо информации об историческом прошлом своей семьи, о необходимости её сохранения и передачи потомкам. Например: «**Помню** только по фотографии: свежий холмик, деревянный крест с надписью, ты в военной форме, мама в короткой стрижке, в белой беретке, я между вами»; «**Вспоминая** тот Новый — 1941-й год, я десятилетиями мучительно и тщетно **силил** **восстановить в памяти** короткий стишок, который ввергнул тогда мою родню в восторг и умиление»; «Пятьдесят шесть лет спустя, очутившись с инфарктом в больнице в реанимации, я ночами с какой-то воспалённой остротой **оживил в памяти** разные далёкие эпизоды моей жизни, и вдруг совершенно неожиданно, молниеносно, как ожог, вспыхнула первая строка... А на утро, едва раскрыв глаза — вот причудливое свойство человеческой памяти! — **я без всякого усилия вспомнил** и последние две строчки...»; «С мамой при ее жизни я не однажды заводил разговор о том случае. **Она** хорошо все **помнила, перебирала в памяти** разные

новогодние пожелания-шпрюхе, имевшие хождение среди немецко-колонистов, но в них о маленьком короле не говорилось. И **отец не помнил**. Совместными усилиями **мы вспомнили** печальную балладу о королевских детях, которых насильно разлучили, и гетевские «*Es-wareinmaleinKönigvonThule*», но нет... все не то...» [2. С. 284].

Автор постепенно включается в процесс обращения к воспоминаниям тех событий, активным участником которых он был когда-то, то есть он видит себя самого в далёком прошлом, которое оставило значительный, незабываемый след в его душе. В этих событиях принимают участие и другие люди, которые находились в то время в непосредственной близости рядом с ним или знакомы ему по рассказам родителей, по источникам дополнительной информации – материальным и нематериальным вещам (фотографии, песни, стихи, награды, дневники, письма), которые, напоминая о прошлом, способствуют продлению памяти. Во всех этих приметах памяти присутствует особый дух семейного счастья, сплочённости, любви, что вместе составляет память об истории каждой отдельно взятой семьи...

3. Помню, потому что нельзя забывать, необходимо передать будущему поколению завет беречь память прошлого – память-запоминание. Здесь описываются подчас неизбежные процессы *забывания-незабывания*, связанные с памятью, которые могут быть как контролируруемыми, так и неконтролируемыми людьми, независимо от их поведения. Иногда автор испытывает чувство сожаления по поводу того, что неизбежно, неумолимо исчезает память о прошлом, что почти не остаётся очевидцев ушедших дней и выражает желание помнить и знать больше о том, что было: «*Интересно, помнит ли Гарри тот последний предвоенный праздник в селе? ... Большие уже никогда Карлсоны и Гертеры в таком составе не собирались*»; «*Немного на свете осталось людей из исчезнувшего с лица земли некогда многолюдного, шумного немецкого села Мангейм, помнящих ту жизнь, ту судьбу развееянного ныне на земле этноса, и я думаю, что для нас, потомков, эта потеря огромна*»; «*Пройдёт ещё, быть может, десяток лет и не останется на земле ни одного человека, который помнил бы Мангейм, отчий край, где некогда бурлила жизнь, превращённый в пепелище, в прах в угоду подлой и трижды проклятой политики ничтожных ублюдков, возомнивших себя вершителями людских судеб*» [2. С. 262]. «*У каждого поколения, естественно, своя жизнь, но молодые должны помнить о*

пережитом старшими, должны чувствовать их время и знать их чаще всего непростые пути-дороги, их судьбы, иначе оборвётся магическая связующая нить, и вырастет сытое, бездумное, безродное племя»; «И не всегда **помним**, что, каждый из нас в отдельности – будь мы хоть семи пядей во лбу – ничто, песчинка, пылинка, если за нами не стоит надёжной опорой крепкая, спаянная, многочисленная родня» [2. С. 262]; «Хранить... А осталось ли ещё что хранить? Думаю, да! Прежде всего необходимо **хранить память**. Не дать ей угаснуть, раствориться, в небытии, не позволить себе превратиться в манкуртов. **Беречь память** о своей истории, о былом можно по-разному. **Сохранить память** – сберечь свою душу. ... Разве не о **духовной памяти** пекутся многие наши литераторы?»

«Насильственно оманкуртизированный народ, понятно, **плохо помнит** свою родословную. Многие из российских немцев не то, что далеких предков, родителей толком не знают. И об этом **следует помнить**. И о том необходимо знать. Это нужно вовсе не для того, чтобы еще раз разоблачить кровавый сталинский режим, не для проклятий палачам, а для того, чтобы **сберечь память**, чтобы люди знали правду» [1. С. 114].

А. А. Павлова в своём исследовании «Концептосфера внутрисемейных родословных» рассматривает память, а также способность «помнить», «вспоминать», «забывать» как «управляемые, контролируемые явления». Часто данные глаголы употребляются с кратким прилагательным «должен» или словами категории состояния с модальным оттенком (*мы должны помнить, мы не должны забывать, надо помнить*); а также с глаголами и выражениями, обозначающими определенные ментальные усилия (*постараюсь восстановить, попробую вспомнить, смогла узнать, вспоминаю я его с трудом, кое-что я все-таки узнала, не любит рассказывать о своих родителях, хотя я знаю...*).

Г. Бельгер придерживается такой же позиции о контролируемости данных явлений.

4. Помню, так как память – это история (жизни, семьи, эпохи, документов). Понятия «память» и «история» в произведениях Г. Бельгера семантически связаны между собой, являются универсальными, свидетельствуют о народном опыте, событиях прошлого и судьбах людей, используются им в многочисленных монологах-рассуждениях: «**История – это человеческая память. Прошлое уходит. Верно. Но, заметьте, мил-человек, не умирает. Нет! Я бы**

даже так сказал: прошлое не проходит. Оно живет в нас. Да, да! Вы согласны? – Вильгельм Артурович раскраснелся, начал возбужденно потирать длинный нос, быстро – быстро заходил вдоль стеллажей небольшой комнаты. Казалось, он спорил с невидимым противником. – **История – это память. А память не отшибить.** К ней надо относиться уважительно. Мы и так порой излишне усердно внушаем людям, что у них в прошлом ничего не было. А недавно один чудак, облеченный властью, даже высказал публично такое мнение, будто история советских немцев начинается с выхода газеты «Фройндшафт» в Казахстане, то есть, с 1966 года. Каково? Но это вздор! И вот кое-кто из нашего брата начинает верить в это, потому что так удобней, так проще – жить одним сегодняшним днем. Но, мил-человек, надо ведь знать, откуда ты взялся. А?! какой же ты человек, если у тебя нет прошлого, если гордиться тебе нечем»; «...И тогда в ней смутно зарождалось неведомое чувство, легкость, свобода от непостижимого огромного груза, она уже не ощущала ни своего тела, ни тяжести прожитых лет, и впервые за долгую-долгую жизнь **не угнетала, не давила память – память прошлого**» [5. С. 14].

Концепт исторической памяти является определяющим в романе Г. Бельгера «Туюк су», как и мотив в пути: «Люди – песчинка, перекасти-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает» [6. С. 14].

В романе постоянно переплетаются между собой картины настоящего и будущего, создающие событийный ряд и показывающие образную характеристику героев.

Таким образом, нами рассмотрены различные примеры реализации концепта *память* в произведениях казахстанского писателя Герольда Бельгера.

Список литературы

1. Бельгер, Г. Родство: Статьи и очерки. Алма-Ата : Казахстан, 1991. 256 с.
2. Бельгер, Г. Дождь со снегом. Рассказы и миниатюры. Алматы : Атамұра, 2005. 360 с.
3. Бельгер, Г. Земляника степная // Тан-Шолпан. 2006. № 2. С. 166–175.

List of literature

1. Bel'ger, G. Rodstvo: Stat'i i ocherki. Alma-Ata : Kazakhstan, 1991. 256 s.
2. Bel'ger, G. Dozhd' so snegom. Rasskazy i miniatjury. Almaty : Atamura, 2005. 360 s.
3. Bel'ger, G. Zemljanika stepnaja // Tan-Sholpan. 2006. № 2. S. 166–175.

- | | |
|--|--|
| 4. Бельгер, Г. Книга рецензий. Постфактум. Алматы. 2007. 380 с. | 4. Bel'ger, G. Kniga recenzij. Postfaktum. Almaty. 2007. 380 s. |
| 5. Бельгер, Г. Зов. Роман-исповедь. Т. 6. Алматы : «Балалар әдебиеті», 2011. 400 с. | 5. Bel'ger, G. Zov. Roman-ispoved'. T. 6. Almaty : «Balalar әdebieti», 2011. 400 s. |
| 6. Бельгер, Г. Туюк су. Роман, рассказы, эссе. Т. 4. Алматы : «Балалар әдебиеті», 2011. 400 с. | 6. Bel'ger, G. Tujuk su. Roman, rasskazy, jesse. T. 4. Almaty : «Balalar әdebieti», 2011. 400 s. |